

UOT 81

<https://doi.org/10.59849/2311-8482.2025.4.144>

РОЯ АЛИЕВА*

ТВОРЧЕСТВО СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ АЗЕРБАЙДЖАНА XIII-XVIII ВЕКА

В статье рассматривается система выражений азербайджанского литературного языка XIII-XVIII веков и подчеркивается ее значение для понимания синтаксического и лексического развития языка в этот период. Автор анализирует различные виды выражений, в том числе фразеологические выражения, и показывает их роль в формировании выразительности и образности литературного языка.

Основное внимание уделено эволюции синтаксических норм и композиционного строя, влиянию элементов, заимствованных из персидского и арабского языков, на обогащение литературного языка Азербайджана. В статье также освещаются культурно-исторические аспекты, отраженные в выражениях, что подчеркивает их значение с точки зрения формирования национальной идентичности.

В заключение отметим, что изучение системы выражений в Азербайджанском художественном языке XIII-XVIII веков является не только основой для дальнейшего изучения языковой эволюции и ее влияния на литературу, но и способствует пониманию богатое языковое наследие нашей нации.

Ключевые слова: *Азербайджанский язык, XIII-XVIII вв., синтаксиссистема выражений, художественный язык.*

Система выражений в любом языке играют фундаментальную роль, поскольку именно через них строятся более сложные высказывания и выражаются взаимосвязи между словами. В художественной литературе система выражений приобретают особое значение, поскольку они позволяют авторам передавать не только информацию, но и эмоции, образы и художественные детали. В контексте азербайджанского языка этот процесс особенно важен, так как в XIII-XVIII веках литературный язык прошел важные стадии развития.

Понимание исторического контекста позволяет глубже оценить развитие азербайджанского языка. XIII-XVIII века были насыщены историческими событиями и культурными изменениями. Этот период связан с расцветом таких выдающихся поэтов, как Низами Гянджеви и Мухаммед Физули, которые оказали огромное влияние на развитие литературного языка. В этот период литературный язык становится более структурированным и выразительным.

На ранних этапах, в XIII-XV веках, азербайджанский язык еще оставался сравнительно простым. В это время основными типами система выражений были сочетания существительных с прилагательными. Однако с ростом влияния персидского и арабского языков, а также благодаря внутреннему развитию, структура система выражений начала усложняться [2, s.312].

На примере произведений Низами можно видеть, как персидские конструкции активно использовались для создания многослойных образов. Это значительно обогатило азербайджанскую литературу и оказало влияние на дальнейшее развитие художественного языка [1, s.215].

Современный азербайджанский язык стал более стандартизированным и очищенным от излишних заимствований. Он активно используется в литературе, науке, культуре и всех сферах общественной жизни. В XX и XXI веках азербайджанский язык получил новый импульс развития благодаря независимому статусу Азербайджана и официальной поддержке со стороны государства, что способствует его дальнейшему укреплению и распространению [5].

Первый полный диван на Азербайджанском языке, дошедший до нас, принадлежит выдающемуся поэту, правителю и воину Гази Бурханеддину (1344–1398). Его диван — важный литературный памятник, отражающий раннее развитие азербайджанского литературного языка в XIV веке.

В газелях Гази Бурханеддина особое значение имеет его оригинальное использование слов и выражений, таких как "gözündən qanidür yarəm" (буквально: "рана моя — кровь из

твоих глаз") и "yürəgüm yarəm" (буквально: "рана моего сердца"). Эти выражения важны с точки зрения его поэтического новаторства и создания уникальных лексических конструкций, которые придают его поэзии глубокую эмоциональную и художественную силу.

Выражение "gözündən qanidür yarəm" (моя рана — кровь из твоих глаз) ярко отражает традиционную для восточной поэзии метафоричность и образность. Здесь используется символика крови и слёз, что передаёт страдания героя и его любовь, столь сильную, что его боль, как кровь, истекает из глаз возлюбленного. Эта метафора позволяет автору связать физическое страдание с духовным, одновременно раскрывая внутренний мир героя и углубляя эмоциональный накал стихотворения.

Выражение "yürəgüm yarəm" (рана моего сердца) является ещё одной глубокой метафорой, которая показывает традиционный мотив восточной любовной лирики — страдание из-за любви. Сердце здесь выступает как центр человеческих чувств, а рана в сердце символизирует боль, которую приносит любовь. Таким образом, поэт переносит физическую боль на уровень душевных переживаний, что характерно для восточной лирики, где любовь часто ассоциируется с мукой и страданием.

Гази Бурханеддин использует эти выражения как примеры инновационного подхода к созданию слов и фраз в поэтическом контексте. Эти конструкции уникальны тем, что они объединяют конкретные физические явления (кровь, рана) с абстрактными эмоциональными состояниями (любовь, боль). Это соединение способствует созданию ярких и запоминающихся образов, которые остаются в памяти читателя благодаря своей необычной форме [3, s.204].

В поэзии Гази Бурханеддина выражения, такие как "özün dilərsən, yitür özünü, bul bəni" (ты говоришь, теряешь себя, находишь меня), "gizləmişəm özümü bən" (я спрятал себя), "bəndən bəni aldı" (забрал меня у меня самого), "уахмә götürdün" (забрал моё сердце), "irax saldun" (удалил меня), "nidayi-eşq" (крик любви), "Səfayi-eşq" (чистота любви) являются выражениями и образами, которые отражают глубокие философские и религиозные идеи, связанные с суфизмом и пантеизмом. Эти выражения образуют целостную систему в языке поэта и имеют уникальную связь с народным языком.

Многие из этих пантеистических и суфийских выражений напрямую происходят из народного языка. Например, выражение "Şimdi ayağı tozınə uş yenə gətürdi bəni" (сейчас вновь привело меня к его ногам), является стилистической вариацией широко распространённого народного выражения "ayağına gətirmək" (привести к ногам), имеющего также пантеистическое значение. В контексте поэзии Гази Бурханеддина это выражение означает подчинение Богу, как возвращение к его власти и милости. Несмотря на то что это выражение имеет глубокий пантеистический смысл, его корни находятся в простом народном языке [3, s.206].

Синтаксис азербайджанского литературного языка XIII-XIV веков, как видно из анализа газели Иззеддина Гасаноглу «Апарди конлуму...», демонстрирует высокий уровень нормативной организации и сложность синтаксических структур. В этот период важную роль играли именные система выражения и фразовые глагольные конструкции, которые обеспечивали выразительность и гибкость поэтического языка.

Именные система выражения, такие как «bir çox qəmərüüz, canfəza dilbər» («многие луноликие, изящные красавицы») и «şirin söz» («сладкие слова»), отличались богатой семантической нагрузкой и метафоричностью. Эти система выражения подчеркивали эстетическую сторону литературного языка, который уже на этом этапе отличался развитостью в плане передачи эмоций и образов. Благодаря использованию таких конструкций, поэты создавали яркие образы, делая тексты более красочными и выразительными.

Именные система выражения, как видно на примере газели, использовались не только для создания простых описательных конструкций, но и для передачи сложных образов, связывающих несколько аспектов: красоту, эмоции и внутренние переживания. Это свидетельствует о том, что азербайджанский язык уже в XIII-XIV веках обладал развитой

системой лексической и синтаксической организации, позволяющей передавать тонкие эмоциональные нюансы [4, s.103].

Фразовые глагольные конструкции, как в примере «sənünlən içtigüm badə» («чаша вина, выпитая с тобой») или «tutuşmaımsca dər atəş» («не воспламениться в огне»), играли важную роль в построении повествования. Они придавали текстам динамику и позволяли акцентировать внимание на действиях и их последствиях, одновременно сохраняя поэтический характер языка.

Глагольные конструкции этого периода отличались синтаксической гибкостью и разнообразием форм, что позволяло авторам манипулировать временем, аспектом и эмоциональной нагрузкой действия. Эти фразовые глагольные структуры активно использовались для передачи не только фактической информации, но и эмоциональных состояний героев, что особенно важно для поэзии, насыщенной лирическими мотивами.

На протяжении веков литературно-художественный язык Азербайджана активно заимствовал, адаптировал и трансформировал элементы из различных источников — как из других тюркских языков, так и из персидского, арабского и даже европейских языков. Это разнообразие способствовало созданию новых словосочетаний, которые обогащали язык как в лексическом, так и в стилистическом плане [1, s.198].

В современном Азербайджанском языке процесс создания новых словосочетаний продолжает развиваться, особенно под влиянием технологий, глобализации и культурного обмена. Новые термины, фразеологизмы и словосочетания активно внедряются в язык, отражая изменения в обществе и культуре.

Таким образом, создание новых словосочетаний и их обогащение литературно-художественного языка Азербайджана является динамичным и важным процессом, который охватывает все исторические этапы развития языка. Это разнообразие и богатство выражений не только усиливают эстетическую ценность литературы, но и обогащают национальную культуру, отражая ее уникальность и многообразие.

Насими своим творчеством оставил огромный вклад в развитие азербайджанского литературного языка. Его язык — это соединение народной речи, классической арабской и персидской поэтической традиции и глубокой философской мысли. Это делает Насими центральной фигурой в литературе Азербайджана и позволяет рассматривать его язык как итог многовекового языкового развития, а также фундамент для последующих литературных достижений в азербайджанской поэзии.

Насими активно использует народные выражения, что позволяет ему создавать живые образы и метафоры, которые отражают реалии жизни. Рассмотрим некоторые из них:

- "yelə vermək" (отдать ветру) — в выражении "Səba zülfün tozını yelə verdi" (ветер развеял пыль твоих волос) символизирует утрату и легкость. В этом контексте используется образ, который хорошо понятен читателям, добавляя эмоциональную окраску к описанию чувств поэта.

- "göz yummaq" (закрыть глаза) — в строчке "həqq surətindən göz yumur zahid, nəəndür bilməzəm" (монах закрывает глаза на истинный облик, чего-то не понимает) используется для передачи идеи игнорирования реальности. Этот образ позволяет читателю увидеть внутренний конфликт между знанием и незнанием.

- "yol göstərmək" (указывать путь) — в "Ey hüsn iyəsi, aşıqə bir mərhəmət eylə, Gör kim nə sə yol göstərür ol pirimühəqqəq" (О, аромат красоты, окажи милость любящему, смотри, как мой старец указывает путь) выражает просьбу о наставлении и поддержке. Здесь народная метафора служит не только для передачи просьбы, но и для отображения отношений между учителем и учеником.

Другие примеры, такие как "iki yüzlü" (двуликий) в строчке "İki yüzlünün dərisin üzəgəm" (Я сниму кожу двуликого), отражают концепцию предательства и лицемерия, что является актуальной темой в поэзии Насими.

Фразы вроде "ğüssə yudmaq" (принять горечь) и "ağu içmək" (пить яд) в контексте "Nə acı ğüssələg yudar, nə ağular içər könlüm" (Не горькие страдания, не слёзы затопят мою душу)

передают эмоциональную тяжесть и страдание, создавая сильный визуальный и эмоциональный эффект. Эти образы становятся мощными инструментами для передачи сложных человеческих чувств.

Фразеологизмы, такие как "eşqə düşmək" (падать в любовь) и "bəla çəkmək" (переносить беды), отражают философские размышления о любви и страданиях. В выражении "Eşqün bəlası uox deyübən eşqə düşmə, var" (Не говори, что нет беды в любви, не падай в неё) поэт подчеркивает, что любовь сопряжена с рисками и страданиями, делая его размышления о любви более многослойными [3, s.256].

Газели шаха Исмаила Хатаи XVI века имеют характерные для классического стиля образы, выражения и синтаксис. В то же время в его поэзии ярко выражен стиль лирико-философского повествования, тесно связанный с пантеистически-суфийским мировоззрением. Эта философская линия играет роль функционального элемента, возвышающего идейно-духовное содержание его стихов и подчеркивающего глубину мыслей о существовании, любви, единении с божественным.

Фразы, такие как "растрепанные локоны" (zülfi-pərişan), "султан на троне сердца" (könül təxtində sultan), "подчинённый любви" (eşqinə məhkum), "строки Корана" (sətri-Quran), "лицо, как страницы" (yüzün övraqı), "губы — живая вода" (ləbindir abi-heyvan), "тьма волос" (saçın zülməti), "вечная жизнь" (həyatıcavidan), "достичь встречи" (vüsəlinə irmək), "стройная кипарисовая фигура" (sərv-i-xuraman), "сияющая луна" (məhi-taban) являются образцами пантейстско-суфийской эстетики [3, s.318].

Эти выражения, глубоко укоренённые в восточной литературной традиции, характеризуются утончённой символикой и философской глубиной. Они передают не только физическую красоту или эмоциональные состояния, но и духовное измерение любви, которое соединяет человека с божественным началом. Например, метафора "растрепанные локоны" символизирует беспорядочность страсти и духовного поиска, а "губы — живая вода" воплощает идею вечной жизни и божественной благодати.

Такие образы типичны для суфийской поэзии, где внешний мир и физические аспекты тесно переплетены с духовными понятиями. Каждый образ — это не просто описание, но глубокий философский символ, отражающий пантеистическое восприятие мира, где всё сущее связано с Абсолютом.

В газелях Шаха Исмаила Хатаи команды и приказные выражения, такие как «не ищи другого возлюбленного» (qeyri sən yar istəmə), «не ищи другого друга» (dildar istəmə), «не желай сада роз» (gülzar istəmə), «пожертвуй свою душу» (canını etgil fəda) и другие, занимают особое место. Особый интерес представляет частица повелительного наклонения, которая, хотя и распространена в народном языке, не является типичной для классического литературного стиля.

Характер использования подобных выражений в поэзии Хатаи отражает связь его творчества с живым разговорным языком, что отличает его от более строгих канонов классической поэзии. Обычно в классической восточной поэзии команды и повелительные формы употребляются реже и больше сосредоточены на описаниях или философских размышлениях. Однако Хатаи, используя повелительные наклонения, вносит элемент живого общения и непосредственности, что приближает его поэзию к народному языку и делает её более эмоционально насыщенной.

В газелях Мухаммеда Физули XVI века, наряду с большим количеством выражений и образов, заимствованных из арабского и персидского языков, встречаются многочисленные фразы, созданные на основе азербайджанских слов. Такие выражения, как "растянуть язык по ночам" (dil uzadib gecələr), "забудь кровь, которую пил" (içdiyin qanı unut), "не слушай те слова" (ol sözə tutma qulaq), "достаточно черных ночей" (yetər qara gecələr), "твои брови как лук" (qaşların yaşı), "открыть тысячу ртов" (min ağız açmaq), "как шип, пронзён" (tikan tək sancılıbdır), "кто от его стрел" (oxlarından kim), "мой груз обогрён кровью" (yüküm qanlar töküüb), "он заставил проглотить кровь" (qanlar uddurub) и многие другие, демонстрируют яркость и богатство образного языка поэта. [3, s.336-337].

Эти выражения несут глубокую метафоричность и многозначительность. Например, "растянуть язык по ночам" — это образ, который может символизировать страдание, ночные мучения и непрекращающиеся мысли или речи, связанные с внутренними переживаниями. Фраза "забудь кровь, которую пил" может подразумевать призыв забыть о пережитой боли или страданиях, часто ассоциирующихся с утратой или тяжелыми эмоциями. "Не слушай те слова" (*ol sözə tutma qulaq*) выражает предостережение о том, чтобы не принимать во внимание ложные или клеветнические речи.

Выражение "твои брови как лук" является классической восточной метафорой, описывающей изогнутые брови возлюбленной как оружие, способное поражать сердца, — эта метафора часто встречается в поэзии того периода. Фраза "открыть тысячу ртов" означает предельное удивление или просьбу, которая повторяется множество раз, возможно, безответно. "Как шип, пронзён" — образ, связанный с физической или эмоциональной болью, остротой страдания. "Мой груз обagrён кровью" отражает идею невыносимого бремени, связанного с мучительными эмоциями, которое тяжело нести. "Он заставил проглотить кровь" — это метафорическое выражение, которое может означать подавление гнева или боли, принуждение человека терпеть или смиряться с жестокостью судьбы.

В художественном языке Моллы Паныха Вагифа XVIII века встречается множество выражений, описывающих признаки или особенности, и эти образы играют важную роль в его поэзии. Среди них можно выделить такие выражения, как «на лице его льётся свет» (*camalından nur yağmaq*), «оказаться в одиночестве» (*qəribliyə düşmək*), «стоять пьяным» (*sərxoş durmaq*), «соколиное сердце» (*tərən könül*), «горькая шутка» (*köftən şərbət*), «бродить в тоске» (*həsrət ilə gəzmək*), «смотреть холодно» (*soyuq-soyuq baxmaq*), «стоять одиноко» (*qərib-qərib durmaq*), «губы и язык как мёд» (*dili-dodağı bal*), «рот как сахар» (*ağzı şəkər*), «кусочек сахара» (*şəkər parçası*), «тонкая талия» (*incə bel*), «сладкая любовь» (*şirin məhəbbət*), «сладкая улыбка» (*şirin gülüş*), «алые щёки» (*al yanaq*), «голубые глаза» (*ala gözlər*), «кинжальные ресницы» (*xəncər kırık*), «кокетливый взгляд» (*şux qəməzə*) [3, s.419].

Эти образы наполнены метафорическим и эмоциональным смыслом, отражая красоту, любовь и страдания. Выражение «на лице его льётся свет» (*camalından nur yağmaq*) ассоциируется с внутренней красотой и сиянием человека, свет, исходящий от лица, символизирует чистоту, святость или особое очарование. Фраза «оказаться в одиночестве» (*qəribliyə düşmək*) передает идею отстранённости или тоски, когда человек чувствует себя изолированным или покинутым.

«Соколиное сердце» (*tərən könül*) — это метафора смелости, силы и отваги, сокол традиционно ассоциируется с величием и мужеством. Выражение «бродить в тоске» (*həsrət ilə gəzmək*) символизирует глубокую печаль и разочарование, когда человек без цели странствует в поисках утешения. «Смотреть холодно» (*soyuq-soyuq baxmaq*) описывает отчужденный или пренебрежительный взгляд, что может свидетельствовать о безразличии или скрытом гневе.

Фраза «губы и язык как мёд» (*dili-dodağı bal*) и «рот как сахар» (*ağzı şəkər*) — это распространённые восточные метафоры, которые подчеркивают нежность и сладость речи возлюбленного. Эти выражения передают чувство обаяния и привлекательности, часто использовавшиеся для описания возлюбленной в поэзии.

«Тонкая талия» (*incə bel*) и «алые щёки» (*al yanaq*) — это классические образы красоты, подчёркивающие физическую привлекательность героини. «Кинжальные ресницы» (*xəncər kırık*) — метафора, которая описывает губительный, поражающий взгляд возлюбленной, её глаза и ресницы сравниваются с острым оружием, способным ранить сердце.

«Сладкая улыбка» (*şirin gülüş*) и «кокетливый взгляд» (*şux qəməzə*) — выражения, передающие флирт и обольщение, где сладость и нежность сопоставляются с игривостью и кокетством.

Таким образом, язык Вагифа богат метафоричными и эмоционально насыщенными образами, которые черпают своё вдохновение как из народного языка, так и из классической поэтической традиции.

Исследование системы выражений в Азербайджанском художественном языке XIII-XVIII веков позволяет сделать несколько ключевых выводов о языковом развитии и его влиянии на литературное выражение в этот исторический период.

Во-первых, наблюдается значительный прогресс в формировании и структурировании словосочетаний, что свидетельствует о высоком уровне синтаксической нормы. Сочетания различных частей речи, таких как именные, глагольные и прилагательные, демонстрируют богатство и выразительность языка, создавая яркие образы и метафоры.

Во-вторых, период XIII-XVIII веков характеризуется активным заимствованием и адаптацией элементов из других языков, что способствовало обогащению лексического запаса и расширению выразительных возможностей художественной литературы. Это многообразие влияний, в частности персидского и арабского языков, создало уникальную языковую среду, в которой сформировались новые устойчивые словосочетания и фразеологизмы.

В-третьих, можно выделить важную роль словосочетаний в формировании национального самосознания и идентичности, поскольку они часто отражают культурные, исторические и социальные аспекты жизни народа. Литературные произведения того времени служили не только эстетическим, но и воспитательным инструментом, помогая передавать ценности и традиции следующему поколению.

Таким образом, система выражений в Азербайджанском художественном языке XIII-XVIII веков представляет собой динамичное и многоуровневое явление, отражающее культурные и исторические изменения, происходившие в обществе. Ее изучение открывает новые горизонты для понимания эволюции азербайджанского языка и литературы, а также подчеркивает важность сохранения и популяризации языкового наследия для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi, I hissə.- Bakı: Elm, 2012.- 475, [1] s.
2. Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi. II hissə. Bakı: Elm, 2012, 389
3. Xudiyev N.M. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. Ali məktəblər üçün dərslik. Bakı, "Elm və təhsil", 2012, 686 səh
4. İsmayılova Yeganə. Söz yaradıcılığı //Dil və ədəbiyyat: Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal .-2014.- №2(90). - S.103-105
5. <https://azerbaijan.az/ru/information/107>

**Идентификатор орхидеи: 0009-0005-0376-4043
Нахчыванский Государственный Университет
E-mail: ruya.alisoy69@gmail.com*

Röya Əliyeva

XIII-XVIII ƏSRLƏRDƏ AZƏRBAYCAN BƏDİİ DİLİNDƏ SÖZ VƏ İFADƏ YARADICILIĞI

Məqalədə XIII-XVIII əsrlər Azərbaycan ədəbi dilində ifadələr sistemi araşdırılır, bu dövrdə dilin sintaktik və leksik inkişafının başa düşülməsi üçün əhəmiyyəti vurğulanır. Müəllif müxtəlif növ ifadələri, o cümlədən frazeoloji ifadələri təhlil edərək, onların ədəbi dilin ifadəliliyinin və obrazlılığının formalaşmasında rolunu nümayiş etdirir.

Əsas diqqət sintaktik normaların təkamülünə və birləşmə strukturuna, fars və ərəb dillərindən alınma elementlərin Azərbaycan ədəbi dilinin zənginləşməsinə təsirinə verilir. Məqalədə ifadələrdə

öz əksini tapmış mədəni-tarixi cəhətlər də önə çəkilir ki, bu da onların milli kimliyin formalaşması baxımından əhəmiyyətini vurğulayır.

Yekun olaraq qeyd edək ki, XIII-XVIII əsrlər Azərbaycan bədii dilində ifadələr sisteminin tədqiqi linqvistik təkamül və onun ədəbiyyata təsirinin sonrakı tədqiqi üçün əsas olmaqla yanaşı, həm də xalqımızın zəngin dil irsinin dərk edilməsinə öz töhfəsini verir.

Açar sözlər: *Azərbaycan dili, XIII-XVIII əsrlər, sintaksis, ifadələr sistemi, bədii dil.*

Roya Alieva

CREATIVITY OF WORDS AND EXPRESSIONS IN THE ARTISTIC LANGUAGE OF AZERBAIJAN IN THE 13th-18th CENTURIES

The article examines the system of expressions in the Azerbaijani literary language of the 13th-18th centuries, and emphasizes its importance for understanding the syntactic and lexical development of the language during this period. The author analyzes various types of expressions, including phraseological expressions, and demonstrates their role in the formation of expressiveness and imagery of literary language.

The main attention is paid to the evolution of syntactic norms and the compositional structure, the impact of elements borrowed from Persian and Arabic languages on the enrichment of the literary language of Azerbaijan. The article also highlights the cultural and historical aspects reflected in the expressions, which emphasizes their importance in terms of the formation of national identity.

In conclusion, let us note that the study of the system of expressions in the Azerbaijani artistic language of the 13th-18th centuries is not only the basis for the further study of linguistic evolution and its influence on literature, but also contributes to the understanding of the rich linguistic heritage of our nation.

Keywords: *Azerbaijani language, XIII-XVIII centuries, syntax, system of expressions, artistic language.*

Filologiya elmləri doktoru Akif İmanlı tərəfindən təqdim edilmişdir.

İlk daxilolma tarixi: 05.10.2025

Son daxilolma tarixi: 20.11.2025